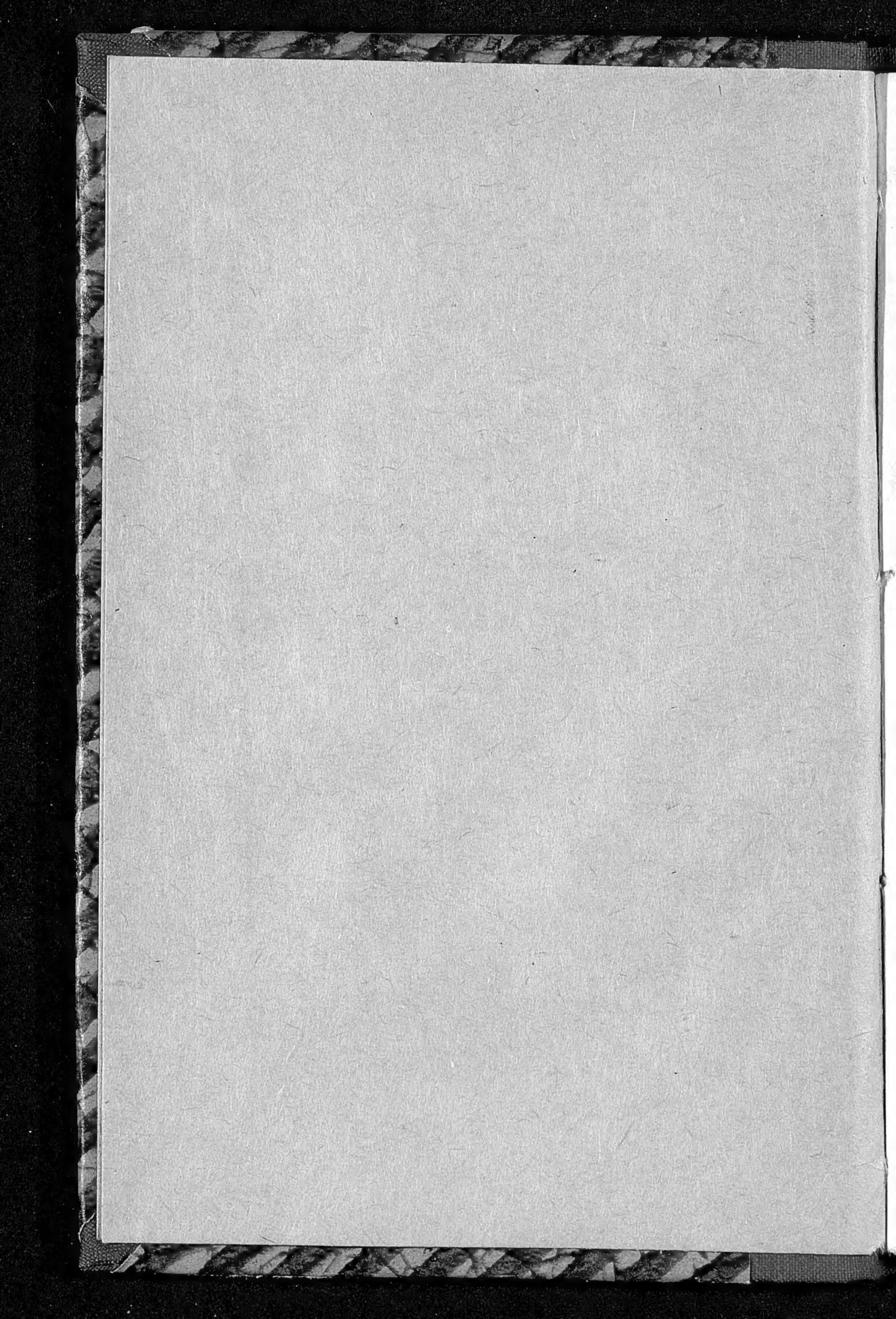

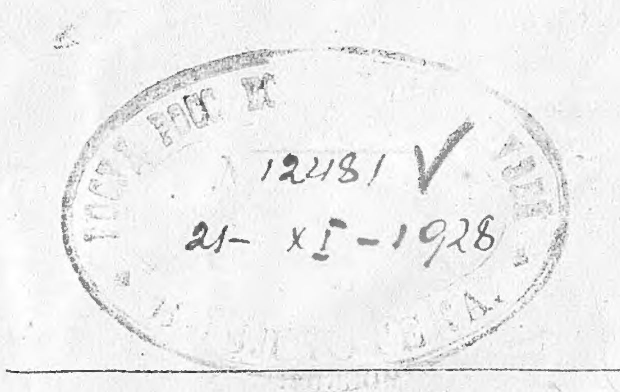
О

РАЗСЕЛЕНИИ ПЛЕМЕНЪ

ЗАПАДНАГО КРАЯ

РОССИИ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ БАХМЕТЕВА.
1863.

Дозволено Цензурой, Москва. 24 Мая 1863 года.
(Изъ газеты „День“ № 21.)

О разселеніи племенъ Западнаго края Россіи (*).

По поводу изданнаго г. Эркертомъ (на Французскомъ языкѣ) этнографическаго атласа областей, населенныхъ сплошь или отчасти Поляками. Сказано въ общемъ собраніи географическаго общества 8 Мая 1863 г.

Я намѣренъ, мм. гг., говорить о племенахъ Западной Россіи, по поводу недавно изданнаго на Французскомъ языкѣ г. Эркертомъ этнографическаго атласа, котораго заглавіе, если перевесть его по Русски, таково: этнографическій атласъ областей, населенныхъ сплошь или отчасти Поля-

(*) Считаю не лишнимъ прибавить къ этой рѣчи нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній, которыхъ не успѣлъ внести въ то время, когда торопился записать сказанное въ собраніи географическаго общества и отправить въ печать.

ками (Atlas ethnographique des provinces, habitées en totalité ou en partie par des Polonais).

Въ области этнографіи — я человѣкъ, только что начинающій трудиться. На этомъ поприщѣ я еще не могу явиться съ такими точными и свѣжими познаніями, которыя достойны были бы вашего, мм. гг., вниманія, потому что еще не имѣю ихъ. Но мнѣ нѣсколько знакомы историческія и современныя условія, которыя, какъ мнѣ кажется, необходимо имѣть въ виду при этнографическомъ изученіи Западной Россіи, потому что различное пониманіе ихъ можетъ, по моему мнѣнію, существенно измѣнять характеръ всякого труда, направленнаго къ этнографическому изученію этой страны. Объ этомъ-то собственно я и буду говорить въ настоящемъ собраніи.

Мнѣ по неволѣ придется нѣсколько разъ ссылаться на трудъ г. Эркерта и употреблять имя автора. Напередъ скажу, что отдаю справедливость труду г. Эркерта и признаю важное, современное его значеніе; но имѣя намѣреніе обратить главное вниманіе собственно на данныя, какія были въ рукахъ г. Эркерта и которыми вѣроятно также воспользовались бы и другіе, я долженъ буду часто указывать на ихъ невѣрность.

Всѣмъ извѣстно, какъ утвердилась мысль о го-

сподствѣ Польскаго элемента въ Западной Россіи и какъ она заслонила и заслоняетъ собою самобытныя племена Западной Россіи и ихъ интересы. Я говорю здѣсь не только о литературѣ и общественномъ мнѣніи Западной Европы, но также о литературѣ и общественномъ мнѣніи Русскихъ. Недавно еще было то время (къ счастію теперь уже не то!), когда можно было со всею серьезностію опасаться, что Польскій вопросъ закроетъ собою и въ глазахъ Русскихъ людей—народное дѣло Западной Россіи. Мнѣ кажется, что эта, утвердившаяся (было) мысль о господствѣ Польскаго элемента въ Западной Россіи имѣла нѣкоторое вліяніе на составъ и на само заглавіе атласа г. Эркерта. Атласъ этотъ, какъ я уже сказалъ, озаглавленъ такъ: Этнографическій атласъ *областей, населенныхъ* сплошь или отчасти *Поляками*. Я обращаю, мм. гг., ваше вниманіе на эту особенность потому, что она не можетъ не поразить Западно-Русскаго общественнаго дѣятеля, неоторвавшагося отъ народа. Я совершенно увѣренъ, что каждый природный Западно-Русскій дѣятель непремѣнно иначе расположилъ бы и иначе озаглавилъ бы этотъ атласъ. Онъ непремѣнно отрѣзалъ бы свою родину отъ дѣйствительной Польши, а если бы и соединилъ ихъ *на картѣ*, то вѣроятно озагла-

вилъ бы этотъ атласъ такъ: Этнографическій атласъ (положимъ) а) дѣйствительной Польши и б) Западной Россіи ([1]), населенной Малороссами, Бѣлоруссами (вообще Русскими), Литвинами, *а также* Евреями, Поляками, Татарами, Цыганами и еще, кто тамъ есть, т. е. онъ непремѣнно показалъ бы и въ составѣ и въ заглавіи атласа, что этнографическое господство въ Западной Россіи принадлежитъ кореннымъ, самобытнымъ племенамъ ея, а не Полякамъ. Здѣсь однако я долженъ оговориться, что это мѣстный, Западно-Русскій взглядъ, который еще такъ мало сознанъ, такъ мало получилъ правъ въ наукѣ и въ жизни, что не легко ставить его на видное мѣсто. Да впрочемъ, для науки, строго говоря, безразлично—соединять или раздѣлять *на картѣ* Западную Россію и дѣйствительную Польшу и такъ или иначе озаглавливать этнографическій ихъ атласъ. А что касается до житейской практики, то

([1]) Называю Бѣлоруссовъ и Малороссовъ вообще Русскими, какъ справедливо называетъ ихъ и г. Эркертъ потому, что это слово постоянно встрѣчается въ памятникахъ мѣстнаго происхожденія и его употребляютъ и теперь всѣ Бѣлоруссы и многіе Малороссы. Замѣчательно, что даже въ концѣ прошедшаго столѣтія называли себя (въ памятникахъ) Русью и Русскими уніаты Вилейскаго напримѣръ уѣзда Виленской губерніи.

я думаю, что въ настоящее время отъ такого соединенія Западной Россіи съ Польшей и этнографическаго подчиненія первой—послѣдней, можетъ выйти даже большая польза.

Если я не ошибаюсь въ современномъ значеніи труда г. Эркерта, то онъ долженъ произвесть весьма сильное впечатлѣніе за границей, а можетъ быть и у насъ.—Я представляю себѣ при этомъ ту заграничную литературу и ту недавно тоже изданную тамъ карту бывшаго Польскаго государства, по которымъ все пространство Западной Россіи — отъ Нѣмана и Буга до Двины и Днѣпра, даже за Двину и за Днѣпръ — все Польша и Польша.... и думаю, что атласъ г. Эркерта составляетъ самую жестокую и неотразимую критику всего этого. Теперь оказывается и оказывается наглядно и популярно, что *Польская* провинція — есть *Русская* область, что цѣлые милліоны *Поляковъ* этой провинціи сводятся на дѣлѣ къ милліону съ небольшимъ (1), что составляетъ *десятую долю всего* населенія Западной Россіи (2), а въ частности—число въ шесть разъ меньшее числа Рус-

(1) 1,270,000 по атл. г. Эркерта.

(2) 10,800,000 „ „ „

скихъ (1), меньшее числа Литовцевъ (2), наконецъ нѣсколько большее, по показанію г. Эркерта, а въ дѣйствительности тоже меньшее числа Жидовъ этой страны (3)!? Есть чему удивиться! Но каково же было бы удивленіе заблуждавшихся людей, если бы они взяли трудъ узнать, что въ атласѣ г. Эркерта еще сдѣлана (безъ сомнѣнія по ошибочности и сбивчивости данныхъ) громадная уступка туземныхъ элементовъ въ пользу элемента Польскаго?

Во первыхъ, сплошная краска, обозначающая Польское (Мазовецкое) племя въ Западной части Гродненской губерніи, преувеличена. Я знаю близко эту страну, ѣздилъ десятки разъ по направленію отъ Гродно до Бѣльска и знаю достовѣрно, что тамъ больше Бѣлоруссовъ и Малороссовъ, чѣмъ показано на атласѣ г. Эркерта (4). За тѣмъ, что касается до отдѣльныхъ красныхъ пятнышекъ, разбросанныхъ по Западной Россіи къ Востоку отъ сказанной Поль-

---

(1) 6,450,000 по алт г. Эргерта.

(2) 1,765,000 „ „ „

(3) 1,166,000 „ „ „

(4) По статистикѣ Гродненской губерніи г. Бобровскаго, Мазовецкаго племени въ этой губерніи около 60,000, т. е. менѣе четвертой части всего населенія трехъ уѣздовъ (Бѣльск., Бѣлост. и Сокол.), въ которыхъ оно находится.

ской полосы и обозначающихъ тоже Поляковъ, то о вѣрности ихъ большею частію трудно судить, потому что не всѣ они обозначены названіями. Тутъ я могу указать только на невѣрность безъименныхъ Польскихъ пятнышекъ около Припети. Это очевидно—околицы шляхетскія, но по всѣмъ свѣдѣніямъ, какія я прошедшимъ лѣтомъ собиралъ тамъ, шляхта этой мѣстности говоритъ по Бѣлорусски и не малое число ея православнаго вѣроисповѣданія. Что же касается до названныхъ пятнышекъ, то неправильность ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Почти всѣ города, рядомъ съ Еврейскою краскою, окрашены Польскою, между тѣмъ какъ достовѣрно извѣстно и не мнѣ одному, что почти вездѣ мѣщанское христіанское населеніе городовъ Западной Россіи говоритъ или по Бѣлорусски или по Малороссійски. Такъ мѣщане Гродна—большею частью Бѣлоруссы; такіе же Бѣлоруссы мѣщане Соколки, Слонима; мѣщане Кобрина, Пружанъ, чистые Малороссы: многіе изъ нихъ даже православнаго вѣроисповѣданія.

Я не упускаю при этомъ изъ виду того принципа, котораго держится г. Эркертъ, раздѣляя жителей Бѣлоруссіи и Малороссіи на Поляковъ и Русскихъ: именно г. Эркертъ говоритъ въ одной замѣткѣ своего атласа, что лучшее средство

къ этому дѣленію — вѣроисповѣданіе: латиняне — Поляки, православные—Русскіе. Считаю необходимымъ высказать мой взглядъ на это дѣло.

Меня всегда удивляютъ попытки многихъ въ нашей литературѣ рѣшить жизненные вопросы въ Западной Россіи помимо религіознаго вопроса. Я совершенно увѣренъ, что пройдетъ по крайней мѣрѣ столѣтіе, когда можно будетъ взяться за какую-нибудь живую сторону Западно-Русской жизни помимо вѣры. На этотъ разъ самая сильная матеріалистическая школа окажется безсильною въ Западной Россіи. Такъ крѣпка тамъ связь вѣры и жизни! Но безъ сомнѣнія есть границы этой связи, есть предѣлы смѣшенія вѣры и жизни, небеснаго и земнаго. Откровенно сказать, я не вижу этихъ предѣловъ въ латинскомъ вѣроисповѣданіи Западной Россіи при томъ оттѣнкѣ его, который оно пріобрѣло здѣсь въ половинѣ XVI столѣтія, съ введеніемъ въ Литвѣ іезуитовъ, и который въ большинствѣ его представителей неизмѣнно сохраняется до сихъ поръ. Я вижу въ тамошнемъ латинствѣ съ этимъ оттѣнкомъ строго выработанную, твердую и безграничную въ своихъ послѣдствіяхъ систему—мѣшать все небесное со всѣмъ земнымъ. Но что касается до Грековосточнаго вѣроисповѣданія, то какъ бы ни судили объ немъ, а вѣрно

то, что основныя его начала упорно противятся безразличному смѣшенію небеснаго и земнаго и всѣ попытки къ этому безразличному смѣшенію ведутъ только къ безобразнымъ явленіямъ. Я обращаю ваше, господа, вниманіе на эту особенность Грековосточнаго вѣроисповѣданія Западной Россіи особенно потому, что этому направленію невольно покоряется значительная часть населенія Западной Россіи даже латинскаго вѣроисповѣданія. По этой-то невольной сдержанности въ смѣшеніи небеснаго съ земнымъ, тамъ многіе латиняне шляхетскаго, мѣщанскаго и всѣ члены крестьянскаго сословія сохраняютъ еще свои самородныя, мѣстныя начала, не дѣлаются Поляками, какъ бы должны были сдѣлаться по требованію тамошняго латинства. Вотъ почему не всѣ латиняне тамошней страны могутъ быть названы Поляками (1). Впрочемъ я долженъ сказать, что это очень трудный вопросъ, особенно теперь. Теперь, какъ по всему видно, происходитъ въ этой странѣ дѣйствительно тотъ разборъ между православными и латинянами, который правительство дѣлало тамъ въ первыхъ со-

(1) Покажу для примѣра, какъ велика въ этомъ отношеніи уступка у г. Эркерта въ Гродненской губерніи. По атласу г. Эркерта въ этой губерніи Поляковъ 270,000, Русскихъ 462,000. По статистикѣ г. Бобровскаго Поляковъ 83,800, Русскихъ 652,300.

роковыхъ годахъ. Можетъ быть еще рано произносить объ немъ приговоръ. Лучше, можетъ быть, указать лишь на матеріалы къ оцѣнкѣ его. Въ этомъ отношеніи считаю не лишнимъ сказать, что въ скоромъ времени явится религіозная карта Западной Россіи, составляемая г. Ритихомъ. Съ своей стороны могу сообщить, что я имѣю намѣреніе со временемъ составить историческую религіозную карту или лучше атласъ Западной Россіи, но объ этомъ трудѣ теперь могу сказать только то, что матеріалы для него очень богаты.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, перехожу къ обозрѣнію каждаго изъ племенъ Западной Россіи и на этотъ разъ, подчиняясь утвердившемуся взгляду, высказанному въ атласѣ г. Эркерта, начну съ Польскаго племени.

Прошу васъ, мм. гг., обратить вниманіе на Западный уголокъ Гродненской губерніи, приблизительно между Гродномъ и Дрогичиномъ, между Нѣманомъ и Бугомъ,—это историческія ворота для движенія Польскаго племени въ Западную Россію. Такое положеніе этого уголка Гродненской губерніи опредѣлилось отчасти тѣмъ, что эта мѣстность составляла середину бывшаго Польскаго государства, [1]

(1) Оттого въ этой мѣстности такъ много бывало сеймовъ.

отчасти тѣмъ, что это естественный путь для Польскаго элемента изъ центра Польскаго народа въ дѣйствительной Польшѣ. Но есть еще одна причина такого значенія этой мѣстности. Значительная часть ея въ началѣ XV столѣтія была заложена Литовскими князьями Мазовецкимъ князьямъ. Въ 1569 г. на Люблинскомъ сеймѣ Литовцы настойчиво добивались возвращенія назадъ этой страны, называвшейся Подлясьемъ; но добивались напрасно. Поляки окончательно присоединили ее къ себѣ по акту Люблинской уніи прежде даже другихъ Западно-Русскихъ областей и такъ считали важнымъ держать ее при себѣ крѣпко, что до позднѣйшаго времени стѣсняли самоуправленіе этой страны, стѣсняли свободный выборъ пословъ на сеймъ, замѣняя его представительствомъ административныхъ чиновниковъ. Благодаря всему этому, Польскій элементъ здѣсь сильно утвердился. Мазовецкое племя, здѣсь живущее, состоящее частію изъ дѣйствительныхъ Поляковъ, частію изъ ополячившихся туземцевъ древней Литвы, при постоянномъ подкрѣпленіи извнутри Польши, успѣло произвести сильное вліяніе на примыкающія къ нему туземныя племена Западно-Русскія. Въ языкѣ Бѣлорусскомъ прилежащихъ мѣстностей очень много Польскихъ словъ. Вліянію Мазовецкаго племени, здѣсь живущаго, под-

чинились даже сосѣдственные Малороссы. Есть небольшая полоса ихъ въ Бѣльскомъ и Брестскомъ уѣздахъ, въ которыхъ Малороссійскій языкъ усвоилъ уже Мазовецкое произношеніе.

Вотъ отсюда-то, изъ этого базиса дѣйствій, Польское племя разошлось во всю Западную Россію. Разошлось оно здѣсь двумя вѣтвями, которыя можно видѣть и на атласѣ г. Эркерта.

Одна вѣтвь идетъ на Юговостокъ къ Черному морю черезъ Волынь и Подолію.

Другая на Сѣверовостокъ черезъ Вильно къ Двинѣ, далѣе вверхъ по Двинѣ къ Днѣпру и нѣсколько спускается внизъ по Днѣпру.

Каждая изъ этихъ вѣтвей имѣетъ свою исторію и характеристическія особенности.

Разселеніе Польскаго племени въ Западной Россіи по Юговосточной полосѣ вызвано Крымскими Татарскими дѣлами, дѣлами Турецкими, Малороссійскими казацкими смутами. Всѣ эти причины разселенія уже не существуютъ. Но существуетъ до сихъ поръ еще одна и также давняя причина— стремленіе занять благодатную Малороссійскую почву, которую сами Польскіе писатели называютъ текущею млекомъ и медомъ. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ очень важное значеніе въ историческомъ развитіи этой полосы Польскаго племени. Привя-

занность къ благодатной землѣ, при вліяніи сильнаго Малороссійскаго элемента, производитъ то, что тамошніе Поляки, при всемъ ихъ желаніи казаться чистыми Поляками, въ дѣйствительности менѣе Поляки, чѣмъ это кажется, и болѣе Малороссы, чѣмъ это имъ желательно. Отсюда-то повидимому странное явленіе, что изъ нихъ недавно пробовала выдѣляться группа людей, которые объявляли себя народными дѣятелями Малороссіи. Это явленіе утѣшительно и благопріятно для Малороссіи, но оно, можетъ быть, требуетъ нѣкоторой зоркости со стороны Малороссовъ.

Совсѣмъ другую исторію и другія особенности имѣетъ Сѣверо-восточная полоса Польскаго племени въ Западной Россіи, — полоса Литовско-Бѣлорусская. Неблагодарная Литовская и Бѣлорусская почва не могла привлекать сюда Польское племя. Не могла развиться въ этомъ племени и любовь къ землѣ и любовь къ населяющему ее туземному народу. Разселеніе здѣсь Поляковъ вызвано было военными дѣлами прежняго Польскаго государства съ прежнимъ Московскимъ, и едва ли не больше еще религіознымъ движеніемъ,—разселеніемъ іезуитовъ, которые на этой полосѣ имѣли два главные свои пункта—въ Вильнѣ

и въ Полоцкѣ [1]. Съ этимъ-то государственнымъ и религіознымъ значеніемъ Польское племя на этой полосѣ осталось и до настоящаго времени. Доказывать это теперь, кажется, не нужно.

Поляки обѣихъ этихъ вѣтвей заняли въ Западной Россіи лучшія части земли и держатъ, т. е. держали, въ своихъ рукахъ цивилизацію страны. Но такъ какъ и это занятіе земли происходило далеко не естественно, и эта цивилизація—не народная, то неудивительно, что въ туземныхъ племенахъ Литовскомъ, Бѣлорусскомъ и Малороссійскомъ сохраняется историческая вражда къ Польскому здѣсь племени. Она поразительно выражается въ одномъ, очень важномъ фактѣ, часто повторяющемся. При всякомъ народномъ здѣсь волненіи сейчасъ является у народа желаніе отдѣлаться отъ Поляковъ и завладѣть ихъ землею. Я не думаю, чтобы гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ Россіи фактъ этотъ такъ легко и такъ рѣзко обнаруживался.—Такое народное здѣсь движеніе противъ Поляковъ навлекало на народъ не разъ большую

---

(1) Іезуитство такъ тѣсно связано было съ государственными интересами Польши, что, напримѣръ, въ годъ Люблинской уніи и іезуиты поселились въ Вильнѣ, а въ 1581 году Баторій какъ только взялъ Полоцкъ, такъ сейчасъ и утвердилъ здѣсь іезуитство, отдавъ имъ многія земли православной Полоцкой каѳедры.

бѣду, подвергалось и подвергается разнымъ перетолкованіямъ; но собственно говоря—это историческое явленіе. Въ немъ сказывается сознаніе народа, сознаніе своей сдавленности пришлымъ племенемъ и сознаніе незаконности господства надъ нимъ этого племени.

Съ Польскимъ племенемъ въ Западной Россіи неразрывно связано племя Еврейское. И на атласѣ г. Эркерта можно видѣть, что разселеніе того и другаго совпадаетъ на обѣихъ сказанныхъ нами полосахъ. Я думаю, что эта связь Жидовскаго племени въ Западной Россіи съ Польскимъ не случайна. Я думаю не случайно и то, что во всемъ бывшемъ Польскомъ государствѣ Жидовъ разселилось такъ много, какъ нигдѣ въ Западной Европѣ. Я думаю, что это логическое послѣдствіе историческаго склада Польской жизни. Жидовство въ бывшемъ Польскомъ государствѣ—это компромиссъ, сдѣлка, посредничество между шляхетствомъ и хлопствомъ.—Шляхетство считало для себя непозволительнымъ унижаться до занятій—торговлей, промышленностію. Изъ него не могло образоваться городское, среднее сословіе. Сословію этому нужно было выдѣлиться изъ хлопства; но это было опасно. Мнѣ конечно извѣстно, что была попытка образовать туземное прочное

мѣщанство посредствомъ Магдебургскаго права, но мнѣ извѣстно также, особенно изъ документовъ церковной уніи, какъ встревожились Поляки, когда оказалось, что мѣщане-братчики имѣютъ на сеймахъ своихъ представителей и какъ жестоко расплачивались мѣщане-братчики за эту попытку приблизиться къ шляхетству. — Это было въ началѣ XVII столѣтія и съ тѣхъ-то поръ особенно становится замѣтнымъ паденіе туземнаго городскаго сословія и усиленіе Жидовъ. И не займи Жиды этой середины между шляхетствомъ и хлопствомъ, очень вѣроятно, что явились бы занять ее Татары, Цыгане или другое какое-либо племя, отличное рѣзко, по своимъ народнымъ и религіознымъ началамъ, и отъ шляхетства и отъ хлопства.

Евреи такимъ образомъ занимали въ бывшемъ Польскомъ государствѣ, особенно въ Западной Россіи, очень важное положеніе. Они давали возможность шляхетству не сближаться съ хлопствомъ и задерживали хлопство отъ приближенія къ шляхетству. Тому и другому нужно было развѣ перескакивать черезъ Жидовъ, чтобы сблизиться или въ частныхъ случаяхъ переходить изъ одного стана въ другой. Само собою разумѣется, что такіе скачки не могли быть часты и еще рѣже благо-

получны. Народъ чувствовалъ причину этого стѣсненія. Отсюда-то тотъ дикій, ужасный фактъ, что во всѣ смуты въ Западной Россіи народъ во время борьбы противъ Поляковъ принимался всегда и за истребленіе Жидовъ. — Русская власть надъ Западной Россіей и новѣйшая цивилизація пріостановили такое варварское дѣло, которое, дай Богъ, чтобы никогда не повторялось; но положеніе Жидовъ въ Западной Россіи, выработанное Польшей, все-таки неестественное. Оно особенно стало неестественнымъ съ 19 Февраля 1861 г. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права въ Западной Россіи шляхетство и хлопство теряютъ послѣдній свой смыслъ. Шляхетству предстоитъ спускаться чаще и больше къ хлопству, — хлопству предстоитъ чаще и больше подниматься къ шляхетству. Т. е. обоимъ имъ предстоитъ занять ту середину, которую занимаютъ Жиды. Жидамъ остается или расплыться между шляхетствомъ и хлопствомъ, или вмѣстѣ съ тѣмъ и выходить куда нибудь внѣ Западной Россіи. Я имѣю, можетъ быть, личное убѣжденіе, что этому трудному вопросу не легко разрѣшиться безъ болѣзней. Желательно, чтобы Русская наука облегчила ихъ.

Оба эти племени—Польское и Жидовское обѣими полосами своего разселенія разбили туземное

Западно-Русское населеніе на три группы, въ которыхъ вездѣ есть свои средоточія, болѣе другихъ мѣстъ чистыя отъ Польскаго и Жидовскаго элемента, — средоточіе Литовское въ серединѣ Ковенской губерніи, — Бѣлорусское въ Минской и Малороссійское въ Кіевской. — Перехожу теперь къ обозрѣнію каждаго изъ этихъ трехъ племенъ. Начну съ Литовскаго.

На картахъ атласа г. Эркерта можно видѣть, что Литовское племя, рѣдко, кое-гдѣ разселенное въ Гродненской губерніи, болѣе густо въ Виленской и особенно сплочено въ Ковенской губерніи. — Изъ этого никакъ нельзя выводить заключенія, что это племя разселялось съ сѣвера на югъ изъ Ковенской въ Гродненскую губернію. Напротивъ, оно имѣло обратное движеніе, съ юга на сѣверъ. Извѣстно, что цѣлая вѣтвь Литовскаго племени, Ятвяги, совсѣмъ уже изчезнувшіе, населяли большое пространство южной части Гродненской губерніи, по обѣимъ сторонамъ Бѣловѣжской пущи и безъ всякого сомнѣнія когда-то плотно примыкали къ сѣвернымъ предѣламъ другихъ Литовскихъ племенъ. Отсюда-то, съ юга Гродненской губерніи, Литовскій народъ тѣснили — Нѣмцы, Поляки-мазуры, Малороссы и сдвигали болѣе и болѣе къ сѣверу. На этомъ пути ихъ

подхватывали Бѣлоруссы, поселившіеся и въ Гродненской губерніи, безъ сомнѣнія, съ древнѣйшихъ временъ, и пересоздавали въ свой элементъ. Такимъ образомъ, въ Гродненской губерніи остались только не многія, оторванныя отъ плотной массы своего племени, группы Литовцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти оторванныя Литовскія группы уже стоятъ на пути къ историческому здѣсь вымиранію, но теперь какъ бы еще задумались—умирать ли. Дума эта въ нихъ по всей вѣроятности безплодна и во всякомъ случаѣ безопасна. Но не безплодна и не безопасна подобная дума въ плотной массѣ Литовцевъ, въ Ковенской губерніи. Она не разъ уже производила очень важныя послѣдствія. Сознаніе исторической сдавленности сосѣдними племенами—Бѣлорусскимъ, Польскимъ, Нѣмецкимъ часто ведетъ Литовское племя къ взрыву сохраняющейся еще народной энергіи. Совершенно ошибочно заключать на основаніи этихъ взрывовъ о дѣйствительной, утвердившейся симпатіи или антипатіи Литовскаго народа *къ одному* изъ сосѣднихъ племенъ. Это просто выраженіе сознанія исторической сдавленности и стремленіе заявить какимъ нибудь рѣзкимъ фактомъ свои историческія силы, свою историческую жизнь. — Тутъ не слѣдуетъ обманываться. Но дѣйствительно

счастливъ будетъ народъ, который, не предрѣшая вопроса объ исторической жизни или смерти Литовскаго племени, сочтетъ своею обязанностію и съумѣетъ относиться къ Литовскому племени всегда и во всемъ съ гуманностію и заботливостію, который облегчитъ жизнь или смерть Литовскому племени, но облегчитъ дѣйствительно, благородно. Я думаю, что такое счастіе предстоитъ ближе и естественнѣе Русскимъ людямъ и Русской наукѣ. Обязанность отнестись такъ къ Литовцамъ лежитъ въ особенности на туземныхъ общественныхъ дѣятеляхъ Западной Россіи. Какъ ни печальны были послѣдствія Литовской власти надъ Западной Россіей, но все же Литовцы спасли государственность этой страны, разбитую въ дребезги Татарами, и долгое время хранили ее, какъ умѣли и могли; въ особенности важно то, какъ ревностно Литовцы защищали внутреннюю самостоятельность Западной Россіи отъ Польши. Діаріушъ Люблинскаго сейма представляетъ поразительную картину этой защиты.

Бѣлорусское племя какъ бы помнитъ до сихъ поръ эту историческую обязанность относиться гуманно къ Литовскому племени. Сколько мнѣ извѣстно, оно на всѣхъ пунктахъ соприкосновенія живетъ съ Литовцами дружно; за то пользуется

также и ихъ дружбою. За эту память о благотворномъ политическомъ Литовскомъ господствѣ, Литовцы платятъ Бѣлорусскому племени добровольнымъ признаніемъ его народнаго господства. Это убѣдительно выражается въ томъ замѣчательномъ фактѣ, что въ междуплеменныхъ сношеніяхъ Бѣлоруссовъ и Литовцевъ, въ пунктахъ ихъ смѣшенія, обыкновенно употребляется языкъ Бѣлорусскій, а не Литовскій.—Въ настоящее время, это, кажется, единственное обнаруженіе естественной пропаганды Бѣлорусскаго элемента. Я обращаю ваше, мм. гг., вниманіе на эту свѣтлую сторону Бѣлорусскаго племени, — къ обозрѣнію котораго перехожу теперь,—потому что она въ настоящее время едва ли не единственная.

Нельзя не призадуматься надъ Бѣлорусскою страною и историческою судьбою населяющаго ее народа (1). Потомки древнихъ Кривичей и Дреговичей занимаютъ самую неблагодарную почву. Я припоминаю при этомъ въ особенности ту мѣстность, которую я проѣзжалъ прошедшимъ лѣтомъ

(1) Я понимаю подъ Бѣлоруссіей гораздо больше того, что обыкновенно называется этимъ именемъ, понимаю всю ту страну, гдѣ народъ говоритъ по Бѣлорусски, т. е. и часть Виленской и большую часть Гродненской губерніи.

у верховьевъ Припети около Пинска. На десятки верстъ невидно твердой, сухой почвы, — все болото и болото. Потомъ, показывается гдѣ нибудь неожиданно кочка и на ней — двѣ, три избы несчастныхъ Бѣлоруссовъ. Они на цѣлые мѣсяцы бываютъ разобщены съ другими подобными кочками. Они поневолѣ нарушаютъ церковные и гражданскіе законы, заключаютъ браки въ ближайшихъ степеняхъ родства и доходятъ въ своихъ генераціяхъ до страшнаго уродства (1). Не говорю уже о колтунѣ. — Все это племя во всѣхъ мѣстахъ но-

---

(1) Мнѣ разсказывали, что въ одномъ мѣстѣ около Припети, въ имѣніи одного богатаго пана, всѣ взрослые мущины (я видѣлъ и этихъ людей и роскошный дворецъ этого пана), обыкновенно проживали девять мѣсяцевъ въ лѣсахъ, рубили и свозили къ рѣкѣ дерево. Въ это время они не имѣли права отлучиться въ деревни къ своимъ семействамъ. Возвращались они къ нимъ только на три лѣтніе мѣсяца; но такъ какъ въ это короткое время они не успѣвали приготовить себѣ и семьѣ, что̀ нужно, то панъ давалъ имъ пособіе, за которое они должны были отработать въ слѣдующіе девять мѣсяцевъ. И такъ изъ году въ годъ! Эти несчастные Бѣлоруссы дошли до такой одичалости, что у нихъ сформировалась совершенно особая молитва. Вотъ она: „вѣрую въ Тебя Бога и въ Тебя Христа, Который создалъ лося, тетерева, рябчика, аминь!“ Теперь же, говорятъ, они очень усердны къ церкви.

ситъ на себѣ печать вялости, безсилія, изнеможенія.

На такой почвѣ, въ такомъ положеніи, само собою разумѣется, не легко могла вырабатываться любовь къ родному и энергическія ея выраженія. Легче могло развиваться напротивъ желаніе пересоздаться въ кого угодно — въ Великорусса или Поляка, лишь бы какъ-нибудь выйдти изъ тяжелаго положенія. — Этой измѣнчивости своему родному элементу много способствуетъ самое нарѣчіе Бѣлорусское, которое, при неоспоримо-Русскомъ строѣ, представляетъ собою однако поразительную середину между Русскимъ и Польскимъ языкомъ.

Но каковы бы ни были — родина и родное, а все-таки они родныя и потому любимы, дороги. Бѣлоруссы доказали это всею своею исторіей. Они все-таки сохранили и сохраняютъ во многихъ мѣстахъ древнѣйшія начала своей жизни и нерѣдко доказывали, что во имя ихъ готовы принести большія жертвы. Я не буду вдаваться въ подробное раскрытіе этой мысли. Не буду останавливаться и на томъ впечатлѣніи, которое я часто испытывалъ въ Минской губерніи, путешествуя тамъ прошедшимъ лѣтомъ, когда мнѣ иногда казалось, что я читаю лѣтопись Нестора, когда

вглядывался въ этотъ народъ. Даже выдѣлкою лыка онъ занимается тамъ со всею вѣрностію старинѣ. Остановлю ваше, мм. гг., вниманіе только на одномъ фактѣ изъ конца прошедшаго столѣтія. Когда я былъ въ Минскѣ, мнѣ разсказывали такое, вѣрно сохранившееся преданіе.— Когда уже восточная часть Бѣлоруссіи успокоилась подъ Русскою властію отъ Польскихъ смутъ въ 1773 г., когда успокоилась отъ нихъ и вся страна Малороссійская въ 1793 г., въ серединѣ Бѣлоруссіи—въ Минскѣ еще кипѣла вѣковая борьба и кипѣла очень оригинально. Въ 1794 году, въ то время, какъ дипломатія рѣшала вопросъ о послѣднемъ раздѣлѣ Польши, когда народу можно было, повидимому, бросить борьбу въ полной увѣренности, что она рѣшится извнѣ и въ его пользу, Минскіе церковные братчики, гласитъ преданіе, три дня бились съ Поляками изъ-за ограды своей братской церкви. Но—какая странность! Въ скоромъ времени (когда все уже рѣшилось) имъ пришлось жаловаться, что Великорусскіе монашествующіе устраняютъ ихъ отъ историческаго участія въ дѣлахъ своей церкви. Самая братская церковь переименована изъ древняго имени Петропавловской въ Екатерининскую! Я не даромъ привелъ этотъ фактъ. Я вижу въ немъ безплодное выра-

женіе физической силы и несчастное выраженіе моральной Бѣлорусской силы. Но было у Бѣлоруссовъ время, когда они, слабые физическими силами, показали однако хоть тоже несчастливо, но дѣйствительно показали высокую моральную силу.

Во времена Литовской власти и во времена Польской, особенно въ первыя времена послѣ Люблинской уніи, Бѣлоруссы, съ которыми совершенно слились передовые Литовцы, держали въ своихъ рукахъ судьбу всей Западной Россіи. Они ревностно хранили здѣсь свою церковь, разработывали свою народную науку, широко развивали такія общественныя учрежденія, какъ братства. Они боролись противъ Польши всѣми своими духовными силами. Но въ началѣ XVII столѣтія, силы эти явно стали ослабѣвать, падать—и не удивительно. Онѣ сосредоточивались въ благородномъ сословіи, которое, благодаря усвоенному отъ Польши институту шляхетства, было оторвано отъ народа. Духовныя силы не пополнялись изъ народа и исчезали съ исчезновеніемъ благороднаго сословія, т. е. съ ополяченіемъ его ([1]). Пришлось Бѣло-

([1]) Вотъ почему у Бѣлоруссовъ нѣтъ преданій о народной борьбѣ съ Польшею. Разбросанные по мелкимъ группамъ на огромномъ пространствѣ, бѣдные, безсиль-

россіи думать, гдѣ бы взять новыхъ силъ, кому ввѣрить историческую судьбу всей Западной Россіи?! Она ввѣрила ее Малороссійскому племени, о которомъ я теперь и буду говорить.

Малороссійское племя выступило на поприще исторической *Западно-Русской* дѣятельности въ позднѣйшее время (собственно въ XVII ст.). Но оно подготовлялось къ этой роли давно и широко. Племя это, богатое необыкновенными силами своей натуры, заняло самую богатую во всей Западной Россіи почву ([1]). Съ богатыми своими дарованіями и на этой богатой почвѣ, Малороссійское племя вездѣ сгруппировано въ значительныя, плотныя массы. По этому народная сила въ немъ можетъ обнаруживаться энергично и широко ([2]).

ные, они не могли ни разу сгруппироваться и показать свою народную силу. За нихъ трудились въ свое время передовые дѣятели изъ высшаго круга. Но имъ не были доступны прелести и этой борьбы. Когда имъ будетъ лучше... теряется умъ. Легко осушать болота, провести дороги?!

([1]) У г. Эркерта не совсѣмъ правильно обозначены предѣлы этого племени со стороны Бѣлоруссіи. Оно гораздо дальше Пружанъ врѣзалось въ Бѣлоруссію; доходитъ до Изары и у Пинска перекинулось за Припеть.

([2]) До прошедшаго лѣта, я никогда не бывалъ въ Малороссіи. Въ эту благодатную страну я въѣхалъ въ первый разъ во время самаго разгара жатвы. Я съ трудомъ могъ вѣрить глазамъ, что родится такая гу-

Эта народная, Малороссійская сила особенно развилась въ той исторической миссіи, какую выполняло Малороссійское казачество и которая состояла въ борьбѣ съ ближайшимъ къ нему Азіятскимъ, Татарскимъ міромъ, во имя Русскихъ народныхъ и религіозныхъ началъ. — Случалось такъ, что когда эта историческая миссія Малороссійскихъ казаковъ (борьба съ Крымомъ) видимо приближалась къ концу, въ это самое время ослабѣвшая въ борьбѣ съ Поляками Бѣлоруссія рѣшилась ввѣрить эту борьбу казакамъ. Я имѣю ясныя историческія свидѣтельства, что объ этомъ происходили совѣщанія между передовыми дѣятелями Бѣлоруссіи и Малороссіи около двадцатаго года XVII столѣтія,—между Виленскимъ братствомъ и

стая и высокая пшеница, что можно вязать такіе грандіозные снопы, при видѣ которыхъ жителю Бѣлоруссіи необходимо сознать все ничтожество своей земли и своихъ силъ. Тогда-то стало мнѣ понятно то невозмутимое спокойствіе, которое Малороссъ сохраняетъ до послѣдней минуты передъ опасностію и которое такъ рѣзко бросается въ глаза, когда видишь невыносимо медленно двигающуюся телегу, запряженную волами, невыносимо скрипящую и подлѣ нея — обидно-спокойнаго, рослаго и широкоплечаго Малоросса. Есть отъ чего быть спокойнымъ и невозмутимымъ! Есть на что опереться! Есть на что надѣяться!

казаками,—совѣщанія, не чуждыя колебаній, недоумѣній, но кончившіяся отчаяннымъ рѣшеніемъ Бѣлоруссіи — ввѣрить все казацкому оружію, — іерархію, науку, учрежденія братствъ ([1]).

Я не могу не признавать необыкновенныхъ подвиговъ Малороссійскаго племени, совершенныхъ для защиты роднаго, Западно-Русскаго дѣла. Я не могу не удивляться этому сильному и долговременному напряженію его энергіи. Но не могу не сказать также: къ сожалѣнію, казаки часто забывали, что они казаки. Военные люди забыли, что они военные, забыли что они—временная и служебная сила, а захотѣли *на всегда и даже всѣ* вмѣстѣ сдѣлаться народоправителями,—захотѣли осуществить дикую мечту—военную республику.—Отъ этого вышло много бѣдъ для всей Западной Россіи ([2])...

([1]) Это было въ 1620 году, по случаю возстановленія высшей іерархіи въ Западно-Русской церкви. Подобное же совѣщаніе, только уже чисто народное было въ 1623 году между жителями Витебска и казаками Могилевскими передъ убіеніемъ Полоцкаго уніатскаго епископа Кунцевича. Слѣдственное дѣло объ этомъ убійствѣ раскрываетъ поразительное единодушіе Бѣлоруссовъ и Малороссовъ. Жаль, что все это у насъ неразработано.

([2]) Чрезвычайно любопытно слѣдить, какъ во времена Хмѣльницкаго масса казаковъ и масса народа разъ-

Но какъ бы то ни было, все же Малороссійское племя сдѣлало очень много для всей Западной Россіи. Оно выработало твердое сознаніе, что народная Западно-Русская сила неодолима и обставило его дивными преданіями. Оно первое возстановило исторически прерванную народную связь Западной Россіи и Великой Россіи. Оно сохранило, особенно благодаря содѣйствію Великорусскихъ силъ, и ввѣренную его защитѣ церковь и ввѣренную его развитію науку. Новѣйшая, общерусская цивилизація обновила и древнюю Кіевскую Академію и создала Кіевскій университетъ, откуда могутъ выходить моральныя силы для цѣлой Западной Россіи. Благодаря всему этому, въ Малороссіи уже есть группа самородныхъ духовныхъ силъ, которымъ можно желать болѣе и болѣе широкаго поприща. Остается теперь Малороссіи думать уже и о возвращеніи Бѣлоруссіи ввѣреннаго послѣднею таланта. Бѣлоруссія ждетъ этого таланта съ великимъ нетерпѣніемъ и можетъ быть съ большою строгостію. Она сильно ждетъ не только таланта, пріумно-

---

единялись и одна тянула къ самостоятельному военному господству, а другая тянула къ Россіи и пересиливала первую. Малороссійскіе ученые прекрасно разработали, какъ народъ сливался съ казаками, но еще не разработали, какъ онъ разъединялся съ ними.

женнаго, но и пріумноженнаго у хорошихъ торжниковъ. Такое сильное желаніе и большая строгость Бѣлоруссіи объясняются и оправдываются ея бѣдствіями и тою опытностію, какая обыкновенно выработывается среди жестокихъ бѣдствій. Но кромѣ того, это ожиданіе и эта строгость можетъ быть еще оправдываются и тѣмъ, что Бѣлоруссія надѣется вознаградить ихъ. Можетъ быть она способна внести въ общее дѣло такія умиротворяющія начала, которыя будутъ подвигать дальше и дальше сближеніе Малороссійскаго элемента съ Великорусскимъ, а можетъ быть сближеніе съ нимъ и съ собою и Польскаго элемента. Для успѣшности этого дѣла, въ особенности для безопаснаго сближенія Западно-Русскихъ элементовъ съ Польскимъ необходимо самое сильное и дружное участіе Великорусскихъ общественныхъ силъ.

Я обращаю, гг., ваше вниманіе на эту необходимость самымъ серьезнымъ образомъ, потому что убѣжденъ и въ ея великости и въ трудности ея осуществленія и въ томъ, что разработываемая въ нашемъ обществѣ наука много можетъ содѣйствовать счастливому разрѣшенію этого дѣла. Прошу обратить вниманіе, каково положеніе Западной Россіи.

Тамъ самородныя общественныя силы хотя есть,

но онѣ еще не такъ велики, да и то существуютъ только въ Малороссіи, въ группѣ Малороссійскихъ общественныхъ дѣятелей.

Тамъ есть вездѣ и довольно значительное духовенство *православное*, которое я всегда считаю единственнымъ, историческимъ другомъ и руководителемъ Западно-Русскаго народа; но это духовенство, кромѣ ужасной своей бѣдности, кромѣ разныхъ *домашнихъ* неустройствъ и угнетеній, имѣетъ еще несчастіе получать въ лицо грязь отъ всякого *извнѣ*.

Собственно стоятъ въ Западной Россіи спокойно и прочно двѣ силы: народъ и правительство.

Тамъ для правительства народъ все.

И для народа правительство все.

Первое теперь не нуждается въ доказательствахъ, а что касается до послѣдняго, то въ этомъ я убѣждался во время недавняго моего путешествія по Западной Россіи, могу сказать, на каждой верстѣ.

При такомъ порядкѣ вещей тамъ не скоро можетъ выработаться ясное сознаніе въ необходимости общественныхъ силъ и ихъ богатой дѣятельности, особенно когда тамъ стоитъ вездѣ такая *ненародная* общественная среда (Польская), которая возбуждаетъ подозрѣніе и недовѣріе ко всякой общественной силѣ. Скоро ли, при этомъ, можетъ тамъ

выработаться сознаніе въ необходимости общественной силы? Но если бы оно даже скоро выработалось, и тогда, я увѣренъ, придется не однажды раскаяться, что оно не выработалось скорѣе, что не явилась здоровая, общественная сила раньше, сейчасъ же.

Я имѣю убѣжденіе, которое уже высказалъ, что развитію такого сознанія и появленію такой силы много можетъ содѣйствовать наука, разрабатываемая въ нашемъ обществѣ. Наши этнографическія и статистическія данныя могутъ имѣть самую большую убѣдительность.

Понимая всю важность вашего, мм. гг., участія въ этомъ дѣлѣ, я позволю себѣ высказать, въ заключеніе этой рѣчи, мое мнѣніе о положеніи у насъ этнографическихъ трудовъ касательно Западной Россіи и выскажу это мнѣніе съ полною откровенностію и смѣлостію.

Первое мое сближеніе съ географическимъ обществомъ убѣдило меня, что есть по Западно-Русскому дѣлу спеціалисты, которыхъ многіе не знаютъ, которые при всякомъ вопросѣ, касающемся Россіи, невольно настроены понимать дѣло широко, предпринимать данную работу со всѣмъ уваженіемъ къ строгимъ требованіямъ науки. Но широкая работа требуетъ многихъ рукъ, многихъ силъ, пред-

полагающихъ популярность знаній, необходимыхъ для этой работы. Но этого-то и нѣтъ! Мало еще рукъ, мало силъ! Между тѣмъ, жизнь быстро толкаетъ впередъ вопросъ за вопросомъ и требуетъ скорѣйшаго ихъ разрѣшенія. Приходится браться за работу, какъ попало и кому попало.

При видѣ такихъ противоположныхъ явленій можно протестовать, напримѣръ, противъ необузданной жизни, требующей рѣшенія сейчасъ же, или хоть противъ людей, берущихся за скорое рѣшеніе вопросовъ, не справляясь съ дѣломъ. Но, безъ сомнѣнія, такіе протесты напрасны, не будутъ имѣть силы. Такъ позволительно по крайней мѣрѣ желать, чтобы какъ нибудь поскорѣе установилась золотая связь, середина между спеціальностію и популярностію. Отъ этой золотой связи между спеціальностію и популярностію можно ожидать самыхъ богатыхъ плодовъ. Странно въ настоящее время пророчествовать о чемъ нибудь касательно Западной Россіи, но не смотря на то, я позволю себѣ высказать не пророчество, а увѣренность, которую, надѣюсь, раздѣляютъ здѣсь многіе. Тогда... въ этомъ будущемъ, когда спеціальность соединится съ популярностію... окажется, что многое въ Западной Россіи не такъ, какъ принимается по слишкомъ старымъ или слишкомъ моднымъ тео-

ірямъ. Тогда также окажется, что этотъ край достоинъ самаго глубокаго изученія и Русской науки и Русскихъ людей, а можетъ быть, тогда еще окажется, что онъ достоинъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго глубокаго, братскаго сочувствія и Русской науки и Русскихъ людей.

Я не сомнѣваюсь, что все это будетъ. Дайте только, гг., время и силы!

Прошу извинить, если я дѣлалъ лишнія отступленія и утомилъ ваше, мм. гг., вниманіе.

М. Кояловичъ.

